

Никита Светлаков

ОСКОЛКИ
ТВОРЦА

— ПУТЬ ДОМОЙ —

Никита Светлаков

Осколки Творца. Путь домой

<https://litres.ru/74599777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дом — это место, куда возвращаются. Но что, если сама реальность больше не заслуживает доверия?

Артём и Аня прошли через лаборатории, пережили Свалку миров и вырвались из ловушек, созданных самой реальностью. Казалось, самое страшное позади. Осталось лишь найти дорогу домой.

Но за пределами Свалки их ждут тысячи миров, древние силы и существа, для которых целые цивилизации — всего лишь расходный материал. А враг может предложить самое опасное искушение: идеальную жизнь, где всё наконец складывается так, как мечталось.

Как отличить настоящую любовь от безупречной подделки? Можно ли спасти мир, не превратившись в чудовище? И что делать, если цена победы — сама реальность?

Финальная книга трилогии «Осколки Творца» — история о свободе, памяти и выборе, который способен изменить судьбу множества миров.

Путь домой начинается там, где заканчиваются все известные дороги.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Колония	9
Глава 2. Чужие среди своих	25
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Никита Светлаков

Осколки Творца.

Путь домой

Пролог

Мы лежали на берегу реки, и наблюдали первый из двух закатов. Лёгкий ветер становился прохладным, и я подвинулся ближе к Ане. Ей хорошо — с такой генерацией тепла можно хоть по Арктике в купальнике гулять.

Оставленная нами дыра в пространстве затянулась сама. Стоило нам собраться с мыслями, отойти подальше и снять стазис. После всего пережитого мы решили взять передышку.

— Сколько миров... — проникновенно сказала Аня, глядя в небо. — Ты видишь?

— Да, — коротко ответил я.

Когда нам передали знания, мы научились чувствовать другие миры, но раньше получалось увидеть только один, поскольку к нему пробил каналзапертый в Свалке Творец. Зря я на него плохо подумал — он не только довёл канал до границы, но и пробил её. В противном случае мы разбились бы о нерушимые стены. Другое дело, что стены эти имели

свойство заращивать пробоины. Именно поэтому закрылась воронка, чуть не утащившая нас обратно.

Сейчас, находясь на свободе, я чувствовал огромное множество обитаемых миров. Здесь были близкие нам, с понятной для нас жизнью, и большинство странных, с нашей точки зрения. Некоторые пугали своей противоестественностью. Мало того, существовали параллели почти у каждого мира. Миллионы, а может, и миллиарды миров. Без помощи одного из Творцов нам нереально найти свой.

— Ты чего? — Аня быстро ощутила смену моих эмоций.

— Представляешь, сколько во вселенной обитаемых миров? Наш мир в ней — что эта травинка, — я сорвал для наглядности один стебелёк, состоящий из различных волокон. Не сильно разбираюсь в ботанике, но на Земле такие вроде не растут. — Мало того: миры, как эта травинка состоит из волокон, так и наш состоит из разных параллелей. Даже попав на Землю, нас там не узнают. Хуже того — там будут другие я и ты. Как на это отреагирует сам мир, одним Творцам известно.

— Да, ситуация хреновая, но давай будем оптимистами. Пару недель назад мы вообще не знали, куда попали, даже не представляли, как вернуться.

— Месяц назад мы и подумать не могли, что увидим Творца, запертого в мусорке реальностей. Кому рассказать, не поверят, — я позволил себе немного улыбнуться. — Кстати, тут есть поселения разумных, чувствуешь?

Аня на секунду нахмурилась, беззвучно шевеля губами.
— Ты знаешь, не чувствую. В какой они стороне?

Я представил перед собой картину увиденного: низкие дома из местной растительности, искры разума в созданиях, живущих в этом мире, и послал картину Ане.

— А, поняла, — просияла Аня. — Сколько всего свалилось, не один день эту кашу в голове разгребать.

— Вот в этом кстати главная сложность. Нам нужно подготовиться. Пока мы много знаем, но ни черта не умеем.

— Точно. Но для начала нужно найти укромное место. Спать под открытым небом в другом мире, конечно, романтично, только не очень удобно. Да и поесть не помешало бы.

— Во! — меня осенило. — Я понял, как этот Уруз доставал кофе. Отвернись.

— Зачем?

— Не знаю, мне кажется, только так сработает.

Всё ещё рассматривая меня с недоверием, словно пытаюсь уловить подвох, Аня всё же отвернулась. В этот момент я думал о калорийной и в то же время компактной еде. Почему-то в голову лезла только шаурма.

— Серьёзно? — Аня смотрела на меня максимально ироничным из своих взглядов.

— А что? Сытно и компактно. Надо было кастрюлю борща тебе доставить?

— Ладно, давай сюда, студент.

— Конечно, куда мне до тебя, я-то в простой семье рос.

— Вообще-то, из дома я свалила в семнадцать лет. На жизнь сама зарабатывала, а шаурму не ела, потому что она вредная, хоть и вкусная, собака.

— Эй, поосторожней, а то в следующий раз она точно за-
лает у тебя в руках.

Аня только пожала плечами и продолжила есть. Хоть по-
началу и ворчала, но после того, как я предложил на десерт
кофе с конфетами, успокоилась.

— Ну допустим, с голоду мы не умрём, уже радует, но
остаётся вопрос жилища. В этом первобытном мире только
пещеру искать, что меня категорически не устраивает.

— В любом другом мире мы чужаки. Вот смотри, — я
указал на яркую звезду на небе, — видишь ближайший оби-
таемый мир? Мало того, что дышать нам будет проблематич-
но, так и среди местных не затеряемся.

— Фу, блин, ну и вид у них. Летающие слизни какие-то,
для них мы тоже отвратно выглядеть будем.

— Вот именно. Нужно искать как минимум человекопо-
добных.

— Смотри! — Аня так резко дёрнула меня в сторону, ука-
зывая на горизонт, что я подумал, будто местные аборигены
нашли нас. — Есть люди. Но планета дрянь, скорее колония,
хотя и крупная.

Я всмотрелся дальше. Довольно далеко чувствовались
слабые отголоски разумных. На планете, не предназначен-
ной для жизни, люди активно строили себе новый дом. Вер-

нув зрению привычный вид, я обнаружил перед собой портал. В отличие от сочившейся чернотой дыры в отстойник, этот выделялся только небольшим преломлением света.

— Ты в тот мир открыл портал?

— Похоже, как-то само вышло, — чуть смущённо сказал я.

— Главное, чтобы не к слизням. Туда я не хочу, — сказала Аня, проходя в портал.

Глава 1. Колония

Портал выбросил нас посреди стройки.

На меня обрушились сотни запахов: машин, застывающего цемента, электрической сварки, перегретого пластика. Прямо перед нами роботы, больше всего похожие на крабов, собирали каркас здания. Лязгая гусеницами, мимо проехал трактор, сгребая перед собой строительный мусор. Воздух был сухим, тёплым, с привкусом металлической пыли — не сравнить с калейдоскопом реальностей, где сам воздух являлся смешением эпох.

Роботы-строители, двигались с неестественной, завораживающей слаженностью. Каждый знал своё место. Никто не кричал, не матерился, не ронял инструменты. Это была не та стройка, к которой я привык в Ростове, где мужики в засаленных робах орали друг на друга, а в воздухе висела цементная пыль, от которой першило в горле. Здесь всё было... стерильно. Слишком правильно.

— Смотри, — Аня кивнула на рабочего в защитном костюме. Тот стоял у пульта и управлял сразу тремя роботами, едва шевеля пальцами в перчатках с сенсорами. — Они даже не напрягаются. Просто... управляют.

— Как мы Силой, — ответил я.

— Только у них техника, — она помолчала. — Странно. Я думала, колония будет... ну, попроще. Бараки, теплицы,

всё из вторсырья. А тут — целый город. И они его строят, как будто это обычный вторник.

— Может, для них так и есть.

— Может, — она вздохнула. — Но мне от этого не по себе.

Я понимал почему. Мы выросли в мире, где стройка — это грязь, пот и мат. Где техника ломается, а люди ошибаются. Здесь же всё работало как часы. И эта безупречность пугала больше, чем любая опасность. Потому что напоминала: мы — чужие. И наш дом — не здесь.

— Эй там! — донеслось из громкоговорителя, установленного на вышке. — Да, вы! Какого хрена вы там делаете?

Мы как замороженные стояли, вслушиваясь в чужую речь, удивительным образом понимая каждое слово. Знания, вложенные в нас Творцом, работали идеально: язык воспринимался как родной, хотя я слышал его впервые.

— Вы там цемента обнюхались что ли? — к нам уже бежал коренастый мужчина в строительной робе. Лицо красное, взгляд встревоженный, но не злой — скорее испуганный.

Я бросил короткий взгляд на Аню. Она едва заметно кивнула. Нам не во что было переодеться — на нас всё ещё была броня «Красной Стали», и в этом мире, судя по всему, такие костюмы не носили даже военные.

— Мы это... музей ищем, — неуверенно сказал я. Первой мыслью было, что даже в колонии будет, хоть простенький, да музей. Лишь бы звучало правдоподобно.

Мужчина замер. Его взгляд скользнул по нашим костюмам и вдруг лицо его изменилось. Глаза расширились, плечи опустились, голос стал тихим, почти благоговейным.

— Вы из центральных что ли?

Слово «центральных» он выговорил с предельным уважением. И я понял: это шанс.

— Да, — кивнул я, стараясь говорить с лёгкой надменностью, которую, как мне казалось, ожидали от «проверяющих». — Нам сказали, тут музей новый где-то. Ходили, искали, но тут какая-то стройка.

— Ох, вот угораздило, — мужчина всплеснул руками, и в его жестах появилась нервная угодливость. — Тут же опасно, вдруг какая балка сорвётся? Давайте я вас к магниторельсу отведу, а? — почти умоляюще спросил он.

Я переглянулся с Аней. Она чуть заметно пожала плечами: «Почему бы и нет».

— Обманули нас, — сказала Аня, и её голос прозвучал холодно, почти надменно. — Тут точно нет музея?

— Да какие музеи? — мужчина виновато развёл руками. — Район только строится.

— Ладно, пошли тогда, — скучающим тоном согласилась Аня.

Она уже включалась в роль. Я мысленно усмехнулся: в другой жизни ей определённо стоило идти в актрисы.

Мы выходили из целого района, который строился у нас на глазах. Всюду работала техника, заливался раствор, соби-

рались каркасы зданий. Чем дальше мы шли, тем больше я поражался масштабу. Это была не стройка — это было рождение города. Тысячи роботов, сотни людей в защитных костюмах, грузовые платформы, зависшие в воздухе на антигравитационных модулях. И всё это — под куполом, за которым виднелось чужое небо с двумя лунами.

Наконец показался так называемый «магниторельс» — широкая траншея в бетонной дороге, выложенная светящимися полосами. Рядом была и остановка, тоже в процессе строительства, но уже с работающим табло, на котором бежали зелёные цифры.

— Вот, остановка уже рабочая, — сказал мужчина, с облегчением указывая на скамейку под навесом. — Магнитка тут каждые полчаса ходит. Я вам ни словом не запрещаю, только прошу: подождите пару недель, как район достроят, хорошо? — говорил он нервно, словно опасаясь нас. Неужели эти жители центрального района имеют такую власть?

— Без проблем, — великодушно отмахнулась Аня.

Мужчина развернулся и торопливым шагом засеменил обратно к стройкам, то и дело оглядываясь, будто боялся, что мы передумаем.

— Фух, отмахались, — выдохнул я, опускаясь на скамейку. — Хорошо ещё не на особо людном месте портал открылся, а то конфуз вышел бы.

— Знаешь, что меня беспокоит? — Аня смотрела не на меня, а на табло с бегущими цифрами.

— Что именно?

— Мы прикидываемся проверяющими. Врём. Используем страх этого мужика перед «центром». — Она наконец повернулась. — Это... этично?

Я вздохнул, откинувшись на спинку скамейки. В небе над куполом проплывало что-то похожее на дрон, но крупнее — наверное, транспорт.

— Аня, нас похитили, ставили опыты, мы сбежали из все-ленской свалки, собираемся перевернуть этот мир, привлекая внимание Творца. А ты переживаешь, что мы немного приврали прорабу?

— Это другое, — она нахмурилась. — Там мы выживали. Сражались с врагами. А здесь — обычный человек. Он просто делал свою работу. И мы его напугали.

— Мы не причинили ему вреда.

— А страх? Страх — это тоже вред.

Я помолчал. Она была права — в каком-то высоком, идеалистическом смысле. Но мы давно уже не жили в мире, где можно позволить себе такую роскошь, как абсолютная честность.

— Послушай, — я повернулся к ней, — я понимаю, о чём ты. Но подумай: если бы мы сказали правду — «мы беглецы из другого мира, у нас нет документов, мы не знаем ваших законов» — что бы с нами сделали?

— Задержали бы. Допросили.

— А потом? Учитывая, что у нас в крови — Сила, кото-

рую местные наверняка никогда не видели? Мы бы стали либо подопытными, либо угрозой. — Я коснулся её руки. — Я не хочу снова в камеру, Ань. И не хочу, чтобы ты туда попала. Мы не делаем зла. Мы просто... адаптируемся.

Она долго смотрела на мои пальцы поверх её ладони.

— Адаптируемся, — повторила она без выражения. — Как Разин?

Вот тут меня кольнуло. Сильно. Потому что Разин — это было то, чем мы поклялись не становиться. Манипулятор. Кукловод. Тот, кто использует людей.

— Нет, — сказал я твёрже, чем планировал. — Мы не причиняем боли. Не ставим опыты. Не ломаем волю. Мы просто... не светимся. Это разница.

— Разница, — эхом отозвалась она, но голос смягчился. — Ладно. Я просто хотела убедиться, что ты тоже об этом думаешь.

— Думаю. Постоянно.

Она кивнула и снова отвернулась к табло. Подъезжающая электричка уже мерцала вдали серебристой точкой.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— За что?

— За то, что не отмахнулся.

Я сжал её ладонь. В этом простом жесте было больше правды, чем во всех наших легендах и фальшивых документах.

— Ага, — я встал, разминая плечи. — Я вот теперь по-

нял, что чувствовал Уруз, общаясь с нами. Такое необычное ощущение, когда слышишь чужую речь и понимаешь её как родную, и разговариваешь так же.

— Тут нам повезло. Хотя бы можем спокойнообщаться с местными.

— Кстати насчёт общения: какую придумаем легенду? Я тоже понял, что тут есть «центральный район» и люди там имеют какие-то привилегии.

— Точно, ты читал «Ревизора»?

— Ещё и в театре смотрел, — усмехнулся я. — В нашем захолустье только «мыло» ставили, но один раз завезли целого Гоголя. В общем, тут наверняка так же есть надзорные органы.

— Допустим. А как ты убедишь всех, что мы проверяющие?

— Как студенты сессию сдают — импровизация и ловкая имитация, — с этими словами я достал из кармана свой старый студенческий пропуск. Картонка с фотографией, истёртыми углами и выцветшей печатью. Выглядел он жалко, но суть была не в нём.

Аня посмотрела на пропуск, потом на меня.

— Ты серьёзно? Вот прям тебе и поверили из-за картонки с фотографией?

— Да не в этой картонке дело. Ты так и не поняла? Можно проявить любой предмет, который держал раньше в руках. А если проявить фантазию...

Я сосредоточился, представляя удостоверение — не то, что видел в кино, а то, которое, по логике, должен носить «проверяющий из центра». Сила откликнулась мгновенно: в пальцах защекотало, и через секунду на ладони лежала пластиковая карточка с голографической защитой, моей фотографией и надписью «Инспектор. Уровень доступа — Альфа».

Аня взяла её, повертела.

— Подделка чистой воды.

— Кто проверит? У них тут, судя по всему, даже полиции нет.

— Полиция есть, просто мы её ещё не видели, — Аня вернула карточку. — Ладно, легенда есть, документ есть. Чего дальше?

В этот момент с гудением электрического трансформатора к остановке подплыла местная электричка — герметичный обтекаемый состав, похожий на фюзеляж самолёта, только без крыльев. Двери открылись бесшумно, выпустив волну кондиционированного воздуха.

— Окей, Гудини, — Аня встала, отряхнула бронекостюм, — сможешь достать местной валюты на проезд?

Вместо ответа я подмигнул и вошёл в вагон.

В салоне, напоминавшем скорее бизнес-класс, кроме нас никого не было. Мягкие кресла, приглушённый свет, панели с картой маршрутов. Двери закрылись, и электричка начала плавно набирать скорость.

— Что, бесплатно? Не верю, — Аня оглядывалась с подозрением.

— Действительно странно, — я тоже осматривался. — Ни терминалов оплаты, ни кондуктора, или кого ещё. Моя чуйка чувствует неладное.

— Может, у них тут коммунизм?

— Я бы на это не рассчитывал. Да и при коммунизме наверняка есть аналог полиции, а мы с тобой тут незваные гости.

Аня запнулась, потом выпалила:

— Блин! Мы же до сих пор не переоделись. Сомневаюсь, что местные так же ходят.

— Мало ли что напяливает богатая молодёжь? Бригадир же ничего не сказал.

— Ему одно надо было — выпроводить нас со стройки. Чую, следом он сообщил про нас местным полицаям.

— В центр въедем, сможем затеряться в толпе, разберёмся что и как. А сейчас давай хоть чуток расслабимся и попробуем насладиться поездкой.

Электричка набрала приличную скорость. Мимо проносились дома — сначала редкие, потом всё чаще. Стали появляться первые многоэтажки, а вдаль, на горизонте, возвышались десятки небоскрёбов. Туда мы и направлялись.

— О чём думаешь? — спросила Аня, не поворачивая головы. Её отражение в стекле было полупрозрачным, как призрак.

— О том, что они, наверное, счастливы. По-своему.

— Думаешь?

— У них есть работа, дома, техника. Нет войны — по крайней мере, здесь. Они строят. Растят детей. — Я помолчал. — Это больше, чем было у нас.

Она повернулась. В её глазах читалось что-то, что я не сразу смог опознать. Потом понял: тоска.

— Знаешь, что я чувствую? — спросила она. — Себя. Самозванкой.

— Почему?

— Потому что мы не заслужили это. Всё это — чистое небо... ну, почти небо, — она усмехнулась, кивнув на купол, — еду, безопасность. Мы просто сбежали. Мы не победили. Не спасли никого. Даже себя — и то временно.

— Аня...

— Подожди. — Она подняла руку. — Я не жалуюсь. Я просто... не могу отделаться от мысли, что там, в Свалке, остались люди. Климов, Виктория, Волков. Они верили в нас. А мы здесь. В электричке. Едем непонятно куда.

Я пересек проход и сел рядом с ней.

— Мы не могли остаться, — тихо сказал я. — Не тогда. И ты это знаешь.

— Знаю. Но от этого не легче.

Она положила голову мне на плечо. От неё пахло озоном и чем-то ещё — воздухом других миров, оставшимся в волосах.

— Мне всё время снятся лаборатории, — прошептала она. — Не каждую ночь, но часто. Белые стены, холод, голос Разина. Иногда я просыпаюсь и не сразу понимаю, где я. Думаю — снова в камере. А ты — за стеной. И я не могу до тебя достучаться.

Я обнял её за плечи.

— Я здесь.

— Знаю. Но страх... он никуда не уходит. Просто прячется. Как тень. И когда становится слишком тихо или слишком хорошо — он выползает. Напоминает: ты не заслужила. Ты сбежала. А другие — нет.

— Мы заплатили за это, — сказал я. — Шрамами. Потерями. Тем, что видели. Тем, что помним.

— А они? — она подняла голову. — Те, кто остался в Свалке, — они тоже платят. Каждый день. А мы тут...

— А мы тут пытаемся найти способ вернуться и помочь, — перебил я. — Не просто выжить. Найти Творца. Спасти всех, кого можно. Ты забыла?

Она моргнула, и в её глазах что-то изменилось. Тень отступила — не ушла совсем, но стала меньше.

— Не забыла. Просто иногда... теряю это из виду. За всей этой нормальностью. — Она обвела рукой салон. — Она дурманит. Как наркотик.

— Вот поэтому мы и не задерживаемся надолго, — я улыбнулся уголком губ.

Аня фыркнула.

— Ты говоришь так, будто у нас есть выбор.

— Выбор есть всегда. Просто иногда он — дерьмовый.

Она засмеялась — коротко, но искренне. И на несколько секунд в вагоне стало теплее.

— Нехилая такая колония, — Аня сидела напротив меня у окна, рассматривая пейзаж. Свет двух лун отражался в её глазах, делая взгляд почти инопланетным.

— Интересно, доживёт ли наша Земля до своих колоний на других планетах?

— Когда-нибудь обязательно. Люди всегда стремятся расширить свои владения.

Электричку плавно качнуло в сторону. До центра оставалось больше километра, а мы уходили по боковой ветке вправо.

— Да ладно, этот строитель сказал же, что электричка идёт в центр, — я всмотрелся в карту на панели.

— Возможно, что она и должна была туда идти, — нервно произнесла Аня. — Но маршрут изменили.

— Что ж нам так не везёт, — сказал я, посматривая по сторонам.

Электричка увозила нас в какую-то глушь. Судя по карте — в промзону на окраине. И я был абсолютно уверен: в конце нас будут встречать. Причём совсем не с красной дорожкой.

Я приготовил Силу, но не накачивал щит — не хотел выдавать себя раньше времени. Аня сделала то же самое. Мы

переглянулись. В её глазах — не страх, а холодное спокойствие. Мы прошли через Свалку. Нас не испугать местной полицией.

Тем временем поезд начал сбавлять ход. Путь вёл на территорию какого-то завода — судя по свежим бетонным блокам, свайным полям и неработающим кранам, строительство здесь только началось и было приостановлено. Вокруг валялись обрезки арматуры, пустые бетонные мешки и следы шин, но не было видно ни рабочих, ни охраны.

— Так, Ань, давай только без мясорубки, — сказал я тихо. — Их явно будет больше, а уйти порталом проще из камеры, чем под шквальным огнём.

— Что я, дура, с голым задом на танк переть? — фыркнула она, но в её голосе не было обиды — только понимание.

Я закрутил головой, боясь и вправду увидеть на улице местный танк. Но нас встречали без бронетехники. И даже без должного почтения.

Человек двадцать солдат — все в лёгких экзоскелетах, с матовыми шлемами и массивным оружием на перевес — выстроились полукругом у перрона. Ни криков, ни суеты. Профессионалы.

— Медленно выходите по одному с поднятыми руками! — донеслось из громкоговорителя.

Мы переглянулись. Щиты не накачивали — незачем светить Силой раньше времени. Но четырём снайперам на крышах цеха нас уже не снять. Я пошёл первым, Аня за мной.

Выходя из вагона, я держал руки на виду, но не выше плеч. Солдаты не стреляли — ждали команды.

— По какому праву вы нас задерживаете? — спросил я, стараясь говорить спокойно, даже с лёгкой обидой. — Мы граждане центрального района. У нас есть документы.

Из общего строя вышел офицер — высокий, с нашивкой капитана на плече. Он остановился в двух метрах, внимательно осмотрел нас с ног до головы.

— Документы предъявите, — сказал он ровно, без угрозы. — А задержали потому, что вы — единственные пассажиры на этом маршруте за последние три часа. А ещё потому, что ваш внешний вид не соответствует базе данных граждан.

Я медленно потянулся к карману, где лежала фальшивая карточка. Аня сделала то же самое.

— Вы когда-нибудь видели, как работают спецгруппы на задержании? — спросил офицер, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на усталость. — Не дергайтесь. Мы просто делаем свою работу.

Он взял карточку, поднёс к сканеру на запястье. Тот пискнул. Офицер нахмурился, посмотрел на экран, потом на меня.

— Инспектор Артём Поляков, уровень доступа «Альфа»? — он усмехнулся, но без злорадства. — У нас в базе нет таких инспекторов. И таких уровней доступа — тоже.

— Значит, база устарела, — сказал я, глядя ему прямо в глаза.

Он молчал несколько секунд. Потом кивнул солдатам:
— Вяжите их.

Вот тут я и понял, что легенда не сработала. Наверное, слишком наглая. Или слишком глупая.

Первый солдат схватил меня за запястье, и сработал рефлекс — старый, вбитый ещё в лабораториях. Я качнулся в сторону, уходя от захвата, и уже начал разворачивать ладонь для короткого «волнового удара» — не на поражение, просто чтобы отбросить. Воздух дрогнул, готовый сжаться.

«Нет!»

Голос Ани ударил в голову, резкий, как пощёчина. Я замер на полу-движении. Солдат, не заметивший моего манёвра, всё-таки защёлкнул браслет — холодная сталь впилась в кожу.

Второй тем временем потянулся к Ане. Она не дёргалась, но я видел, как напряглись её плечи — так бывает перед броском. Краем глаза я заметил, как её пальцы начали нагреваться, готовые выпустить волну жара, способную расплавить пластик на полу.

«Не надо. Мы не знаем, насколько они сильны. Уходить проще из камеры», — мысленно сказал я.

Она замерла. Её пальцы остыли так же быстро, как нагрелись. Солдат, ничего не почувствовав, защёлкнул наручники и на её запястьях.

Всё это заняло не больше двух секунд.

Нас повели к машинам. Аня поймала мой взгляд и едва

заметно кивнула. «Молодец», — мысленно сказал я. «Ты тоже», — пришёл ответ.

Это было не поражение. Это был выбор — не светить Силой, не калечить обычных солдат, которые просто выполняли приказ. Мы могли бы разнести пол-улицы. Вместо этого мы сохранили контроль. И это было маленькой победой — над собственными инстинктами, над страхом, над той тьмой, что всегда ждала своего часа где-то глубоко внутри.

Нас затолкали в разные машины — герметичные фургоны без окон. Я остался один. В темноте, с холодными браслетами на запястьях, слушая, как за спиной захлопывается дверь.

Глава 2. Чужие среди своих

Фургон трясло на каждой кочке. Я не знал, куда меня везут, но старался запоминать повороты — лево, право, снова лево. Где-то через десять минут мы остановились. Дверь открылась, и в лицо ударил яркий, болезненный свет. Я зажмурился, потом прищурился. В проёме стояли двое солдат — те же экзоскелеты, те же матовые шлемы.

— Выходи, — сказал один, коротко, без злобы.

Меня выволокли наружу. Я огляделся: подземный гараж, стены из серого бетона, разметка на полу, несколько таких же фургонов. Ни окон, ни дверей, кроме одной — бронированной, с гидравлическими засовами. Над ней тускло горела красная лампа.

— Сюда, — второй солдат взял меня за локоть и повёл к двери.

Я не сопротивлялся. Смысла не было. Наручники были обычными, но два автомата в спину — серьёзный аргумент.

Коридор, лифт без кнопок — только считыватель ладони. Солдат приложил руку, двери разъехались. Мы вошли. Камера оказалась обычной: железная кровать, привинченная к полу, раковина из нержавеющей стали, стул и стол, тоже привинченные. Стены — голый бетон, с пятнами сырости и чьими-то инициалами, выцарапанными гвоздём.

— Располагайся, — сказал солдат, снимая наручники. —

Допрос через час.

— А что, полагается обед? — спросил я, потирая запястья.

Он не ответил. Дверь закрылась с глухим металлическим стуком. Я остался один.

Сел на кровать, закрыл глаза. Сосредоточился.

Сила была при мне — тёплая, живая, пульсирующая в такт сердцу. Я потянулся мыслью к Ане. Связь работала — слабо, с помехами, будто между нами проложили толстую стену из свинца и бетона. Но она была.

«Ты как?» — отправил я короткий импульс.

Ответ пришёл не сразу, сбивчивый, обрывочный: «...в порядке... скоро буду... не скучай...»

Я усмехнулся. У неё был план.

Камера меня не впечатлила. Стены без окон ещё куда ни шло, а дверь была мне, что называется, на один плевок. Я сосредоточился и начал осматриваться. Из камеры вёл коридор в небольшой зал, примыкающий к ещё одной камере. К моему удивлению, Аня уже выходила из неё. Хотел было мысленно отругать её за поспешность, но рядом с ней увидел охранников — живых и здоровых, идущих спокойно следом.

Послышался звук электромагнита, и дверь раскрылась. На пороге, блаженно улыбаясь, стоял охранник. Посторонившись, он пропустил вперёд Аню.

— Слушай, какие же мы дураки, — возмущённо сказала девушка. — Могли бы сразу всё узнать, не привлекая внима-

ния. Хорошо хоть сейчас додумалась.

— Подожди, тарыхтишь как сорока, а внятно ничего не скажешь. До чего ты додумалась?

Аня скрестила руки на груди, закатив глаза:

— Подчинение тебе о чём-нибудь говорит?

— Твою... — до меня дошло. Как были балбесами, так и остались. Разум слабого можно подчинить. Для нас это так же легко, как общаться друг с другом мысленно.

— Да, получить всю информацию ещё на стройке. И этот хренов прораб не сдал бы нас как подозрительных личностей.

— Ладно, чего уж теперь. Зато не ввязались в драку. Пошли на выход, у меня ещё с лабораторий аллергия на закрытые помещения.

Я наблюдал за ней краем глаза, пока мы шли по коридору. Охранники шагали следом — не как конвоиры, а как сомнамбулы. Лица расслабленные, движения плавные, будто под водой. Жутковатое зрелище.

— Как ты это делаешь? — спросил я вполголоса.

— Даже не знаю, как объяснить, — Аня чуть замедлила шаг. — Это как... ну, помнишь, как мы общаемся мысленно? Я просто посылаю импульс. Не приказ даже, а... образ. Ощущение. Что мы — свои. Что нам можно доверять. Что докладывать наверх не нужно, потому что всё в порядке.

— И они верят?

— Не верят. Принимают. Это другое. — Она поморщи-

лась, подбирая слова. — Как если бы ты смотрел на белое и вдруг начинал думать, что оно чёрное. Не потому что тебя убедили, а потому что само ощущение «белого» исчезло.

Я присвистнул.

— Серьёзная штука.

— Слишком серьёзная, — она понизила голос. — Знаешь, о чём я думаю?

— О чём?

— О Разине. Он ведь тоже так мог. Только он это делал с теми, кто ему доверял, — и ломал их. А мы сейчас... мы тоже лезем в чужую голову и переписываем там что-то. Да, ради безопасности, но...

Она не договорила.

— Но?

— Но осадочек, — она невесело усмехнулась. — Как говорила моя бабушка.

Я взял её за руку. Ладонь была тёплой, почти горячей.

— Слушай, — сказал я, — Разин использовал людей как инструменты. А мы — защищаемся. Мы не причинили им боли. Не заставили делать что-то против их совести. Просто... смазали шестерёнки.

— Смазали шестерёнки, — повторила она. — Красиво звучит. Но шестерёнки-то чужие.

— А свои у нас есть?

Она вздохнула и высвободила руку — не резко, скорее задумчиво.

— Ладно. Я просто хочу, чтобы мы это запомнили. Что это — крайняя мера. Не привычка.

— Запомним, — пообещал я. — И если когда-нибудь поймашь меня на том, что я делаю это ради удобства, а не ради безопасности, — дай мне в лоб.

— Договорились, — в её голосе впервые за этот разговор мелькнула улыбка. — Только не в лоб. Я тебе шаурму с сюрпризом материализую.

— Какую?

— Которая гавкает.

Мы оба тихо рассмеялись, и напряжение немного отпустило. Охранники за спиной так и шли — спокойные, безмятежные, не помнящие себя.

В зале по стойке смирно стоял весь персонал здания. Помимо пары солдат в броне и офицеров затесался рабочий с ящиком инструментов.

— Кто из вас главный?

— Я, — негромко произнёс пожилой мужчина.

— Тогда ответьте мне, — Аня говорила властным тоном.

— Информация о нас успела уйти к вышестоящим?

— Нет.

— Хорошо, уничтожайте все материалы, связанные с нами.

Офицеры засуетились, разбегаясь по кабинетам. Через пять минут мы остались только в памяти персонала, а ещё через десять исчезли и оттуда.

— Куда теперь? — мы шли по городу в сторону центра. У местных следователей нашлась подходящая одежда — предыдущие костюмы хоть и были отдалённо похожи, но заметно выделяли нас. Их мы несли с собой в сумках.

— Тут рядом неплохая гостиница... или мотель. Даже не знаю, какое слово подобрать. Наверное, ближе будет квартира посуточно.

Я слегка улыбнулся — с «квартирами посуточно» у меня было несколько занятных воспоминаний.

— Но-но, — Аня погрозила мне пальцем. — Ещё баб своих повспоминай. Ты так громко думаешь, что я не напрягаясь слышу.

— *А идея хорошая, какой он самец в этой форме. Да, после душа однозначно...* — пронеслись в моей голове её мысли.

— Ты наивно думаешь, что я не знаю, как обойти твой блок? — ехидно спросил я. — Форма да, мне идёт.

— Ах ты... — Аня возмущённо смотрела на меня. — И как давно ты обошёл блок?

— Только что. Надо было раньше?

— Да ну тебя.

— Ну ладно, — я обнял её за талию. — Мы же примерно равны по силе, и знания у нас одинаковые, поэтому я даже не заморачиваюсь с блоками. И ты мне тоже нравишься в этой одежде курсантки.

— Ну всё-всё, тут не принято на службе так себя вести.

Прохожие увидят — опять память чистить. Пошли, вон здание. Снимем квартиру? — Аня игриво подмигнула.

Мы шли по улице, и я всё пытался понять, что меня царапает. Не страх — с этим мы разобрались. Что-то другое.

— Ты замечаешь? — спросила Аня.

— Что именно?

— Слишком тихо.

Я прислушался. Действительно: город жил, но как-то приглушённо. Люди шли по тротуарам, разговаривали, но без той лишней громкости, которая бывает, когда кто-то через дорогу кричит знакомому. Никто не смеялся. Никто не спорил. Даже дети — а мы видели пару ребятишек у фонтана — играли без визга, без криков «догоняй», без плача.

— Может, культура такая? — предположил я.

— Может, — Аня огляделась. — Но ты заметил: нет кафешек. Совсем.

— И что?

— А то, что даже в самом дисциплинированном обществе кто-то хочет пожрать вне дома. Пончики там, шаурму. — Она бросила на меня короткий взгляд. — Но здесь — ничего.

Я кивнул, переваривая. Мы прошли ещё квартал. Архитектура была чистой, почти стерильной: стекло, бетон, металлические опоры. Ни граффити, ни мусора, ни даже объявлений на столбах.

— Смотри, — Аня показала глазами на группу людей у

перекрёстка.

Они ждали сигнала светофора — и стояли идеально ровно, на одинаковом расстоянии друг от друга. Никто не переминался с ноги на ногу, не ёжился от ветра, не проверял телефон.

— Может, у них просто хорошие манеры? — сказал я без особой уверенности.

— Ага. И одинаковый шаг. Посмотри на синхронность.

Она была права. Трое из них сделали шаг с левой ноги в один и тот же миг. Словно их вёл невидимый метроном.

— Ладно, — признал я. — Жутковато.

— Но не опасно, — Аня пожала плечами. — По крайней мере, пока.

— Думаешь, это как-то связано с нами?

— Не знаю. Может, это просто местная фишка. Как у японцев — поклоны. А может... может, они все слегка «подключены» к чему-то. Общий инфоканал или типа того.

— Или типа того, — согласился я.

Мы замолчали. Город вокруг жил своей жизнью — слишком правильной, слишком тихой. И в этой тишине наши шаги по тротуару звучали оглушительно громко, как чужеродный ритм.

— Знаешь, — сказала вдруг Аня, — в Свалке было проще. Там если странно — значит, жди беды. А здесь если странно — значит, «культурные особенности». И попробуй разбери.

— Разберёмся, — сказал я. — Не в первый раз.

— Не в первый, — эхом отозвалась она.

И мы пошли дальше — чужаки в чужом городе, где люди не смеялись, дети не кричали, а светофоры переключались с идеальной, нечеловеческой точностью.

Здание, куда мы направлялись, больше походило на привычные мне торговые центры. Застеклённые панели, металлические опоры и никакой рекламы. Как объяснила Аня, здесь общество жило с немного другой культурой. К примеру, готовить другим было не принято, соответственно, ни одной кафешки и даже столовой не было, что крайне нас огорчило. Для временного жилья были только квартиры, причём ценилась в первую очередь атмосфера обжитого жилища.

Получив ключи от лучшей квартиры и заселившись, мы хоть немного расслабились.

— Знаешь, что меня беспокоит? — Аня сидела на кровати, скрестив ноги, и вертела в пальцах пустую кружку из-под чая. — Кроме всего.

— Что именно?

— То, что мы до сих пор не знаем, на что способны. Ну, по-настоящему. — Она поставила кружку на тумбочку. — Уруз влил в нас столько знаний, что голова до сих пор гудит, если копнуть. Но одно дело — знать, другое — уметь.

— Согласен, — я сел на стул напротив. — Помнишь, на задержании? Когда тот солдат меня схватил?

— Ты чуть не сорвался.

— Не только. Я... купол вырос сам. Без команды. — Я помолчал. — Плотнее, чем обычно. Он даже не понял, что ударился в стену, а не в меня.

Аня прищурилась.

— То есть ты поставил щит на рефлекс?

— Похоже на то. Я не думал — тело сработало само. И купол держал жёстче обычного.

— И ты хочешь сказать, что сделал это специально?

— Нет. Оно само. Но я запомнил ощущение.

Аня сползла с кровати и встала напротив.

— Давай. Пробуй. На мне.

— Ты уверена? Вдруг я отброшу тебя к стене?

— Я тебя отброшу, если не попробуешь, — она ухмыльнулась. — Давай. Только не сильно.

Я кивнул, сосредоточился. Представил, как купол сжимается до размеров тела — не громоздкий барьер, а что-то вроде второй, едва заметной кожи. Тёплой. Плотной. Воздух передо мной дрогнул, и Аня вдруг сделала шаг назад.

— Ого, — сказала она. — Я на секунду... не могла шагнуть вперёд. Как будто стена выросла.

— Я ничего не делал, — ответил я. — Просто подумал о защите.

— А это уже интересно.

Она отошла на пару метров, прищурилась.

— Ладно, теперь моя очередь.

— Что у тебя?

— Пока не знаю. Но после Уруза я чувствую, что могу... как бы это сказать... показывать не то, что есть.

— Иллюзии?

— Не совсем. Скорее подмена. На короткий миг. Смотри. Она уставилась на кружку, стоявшую на тумбочке. Я ничего не почувствовал — ни тепла, ни давления. Но вдруг рядом с первой кружкой появилась вторая. Абсолютно такая же. Я моргнул — она исчезла.

— Видел? — спросила Аня.

— Видел. Но это не иллюзия. Иллюзию я бы раскусил. А тут... я правда на секунду поверил, что там две кружки.

— Вот именно, — она довольно улыбнулась. — Я не создаю картинку. Я говорю твоему восприятию: «смотри, здесь ещё одна». И ты смотришь. Но только пока я держу контакт.

— Контакт?

— Зрительный. Я должна видеть твои глаза. Или хотя бы лицо.

— Ограничение, — кивнул я. — А радиус?

— Не знаю. Ты был в метре.

— Давай дальше.

Она отошла к двери — метра три. Снова посмотрела на меня, и на этот раз кружка... исчезла. Просто перестала существовать. Настоящая, с чаем внутри. Я инстинктивно протянул руку и коснулся её — она была на месте. Тёплая, керамическая.

— Жесть, — признал я. — То есть ты можешь заставить

человека не видеть нож, который летит ему в лицо?

— Теоретически. Но только одного. И только пока я смотрю. — Она прищурилась. — А знаешь, что самое паршивое?

— Что?

— Это ведь тоже манипуляция. Как с теми охранниками. Только тоньше.

Я подошёл к ней, взял за плечи.

— Аня, послушай. Есть разница между «я стираю тебе память» и «я делаю так, чтобы враг промахнулся». Первое — насилие. Второе — защита.

— Сбиваем прицел, — повторила она. — Ладно. Пожалуй.

— К тому же, — добавил я, — если ты будешь мучиться каждый раз, ты просто не сможешь использовать способность. А она нам пригодится.

— Практично, — фыркнула она.

— Я вообще парень практичный.

— Ага. Особенно когда шаурму материализуешь.

— Ой, да хватит уже про шаурму.

Мы рассмеялись. Аня выдохнула, села на кровать, пододвинула ноги.

— Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Мы только начали. То, что показал Уруз — это как открыть дверь. А за ней — целый коридор.

Аня замолчала, глядя на свои ладони. Я машинально по-

тёр запястье — и наткнулся пальцами на холодный металлический ободок. Часы. Те самые, что Уруз застегнул на мне перед самым побегом, когда мы уже стояли у портала. Я тогда даже не обратил на них внимания — было не до того. А теперь они вросли в кожу, стали частью меня, как второй пульс.

Я поднёс руку к глазам. На тёмном экране мерцали зелёные цифры: 355:12:44:18.

— Год, — сказал я вслух. — Ровно год по времени Свалки. Уруз сказал, что это наш срок.

Аня взяла мою руку, провела пальцем по ободку.

— Он говорил, что часы не снимаются, — тихо сказала она. — Что они будут отсчитывать время до того момента, как всё изменится. И что у нас есть только один год, чтобы найти выход.

— Или чтобы выжить, — добавил я.

Она подняла на меня глаза. В них не было страха — только холодная, спокойная решимость.

— **355 дней**, Артём. Почти год. Это не мало. Мы успеем.

Я кивнул, опуская руку. Таймер тикал у меня под кожей, напоминая о том, что время идёт. Но сейчас, в этой комнате, с Аней напротив, год казался вечностью.

— Успеем, — повторил я.

Аня зевнула, потянулась.

— Всё, отбой. Завтра рано вставать.

Я кивнул, выключил свет.

За окном шумел чужой город. Но здесь, в этой комнате, пахло кофе и ещё чем-то — тем, что не подделаешь.

Я смотрел на её руки, когда она ставила кружку на тумбочку. Пальцы мелко дрожали. Не от усталости — от остаточного резонанса. После таких тренировок Сила не уходила сразу, она гудела под кожей, как трансформатор под нагрузкой.

Я подошёл и осторожно накрыл её ладонь своей. Раньше, в лаборатории, наши прикосновения были либо судорожными, либо боевыми. Сейчас я учился касаться её так, чтобы не передать ни искры энергии. Это требовало большего контроля, чем удержание купола под обстрелом.

Аня выдохнула и перевернула руку, переплетая свои пальцы с моими. Её кожа была привычно плотной, горячей. Она сама «слепила» своё тело под новые нагрузки, но цена была высокой.

— Боишься, что не рассчитаешь и сломаешь мне запястье? — тихо спросила она, не открывая глаз.

— Боюсь, что однажды забуду, как быть просто человеком, а не оружием, — ответил я, проводя большим пальцем по её костяшкам. — Но пока ты здесь, я помню.

Она притянула мою руку к своей щеке, прижимаясь к ладони, как котёнок к грелке. В этом жесте не было ни капли той хищной грации, которую она демонстрировала в бою. Только бесконечная, тихая потребность в тепле. В доказательстве, что мы всё ещё живы, и что эта жизнь принадлежит

ТОЛЬКО НАМ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.